

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Стилевые признаки общественно-политических практик населения Украины и факторы их формирования

Abstract

The article presents empirical findings concerning style features of social and political practices among the population of Ukraine, as well as factors of their functioning. Due to factor analysis we have managed to obtain style features of political participation, which, in their turn have allowed designating four forms of political activity among the population of Ukraine, such as: “active contacting”, “moderate ostentation”, “active in conformism”, and “radical ostentation”. An inclination to take part in the forms of political activity requiring adequate resources or skills may be observed in the Ukrainian society nowadays. Besides, it is clarified that social and political practices of the population of Ukraine depend equally on socio-economic status and personal views and convictions.

Введение

Развитие общества, его институтов невозможно без соответствующих политических ориентаций граждан. Провозглашение институтов само по себе не приводит к их появлению, поскольку формой реализации каждого института служит совокупность соответствующих практик — устойчивой системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения индивидов. В условиях, когда ценностно-нормативная система разрушается и возникает состояние аномии, особую роль в ходе общественных преобразований начинают играть общественно-политические практики населения Украины, направленные в сторону желаемых политических изменений, которые становятся институционализирующими действиями. В таких обстоятельствах крайне важны выявление и анализ тех индивидуальных предпосылок, которые способствуют интернализации личностью новых “правил игры” и могут помочь их реализации.

Теоретические основания

Понятие “практика” в социологии определяют как: 1) деятельность людей, связанную с влиянием на природу и общество; 2) обычай, привычки; 3) тренировку; приемы; 4) навыки в какой-либо деятельности, профессии; практическую профессиональную деятельность. Социальными практиками обычно считаются общепринятые формы деятельности, сформировавшиеся в жизни людей; совокупный опыт человечества [1, с. 371]. В теориях П.Бурдьё, Э.Гидденса категория “социальная практика” отражает реальную связь между социальной структурой и личностью. Речь идет о совокупности социальных действий, служащих продуцированию условий существования социальной системы, воспроизводству, поддержанию и преобразованию данных условий.

Подобную функцию социальных практик отмечает и Т.Заславская, определяя их как “устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения индивидов, организаций и групп, имеющие массовое распространение и укорененные в социокультурных нормах” [2, с. 214]. Устойчивые социальные практики Заславская понимает как конкретные *формы существования и функционирования общественных институтов*. “С институтами они соотносятся как форма с содержанием или как явление с сущностью, что предопределяет характер их связи” [2, с. 214]. Поэтому форму реализации каждого социального института составляет совокупность соответствующих практик. Однако, поскольку институты всегда глубже своих форм, конкретные практики могут в определенных условиях изменяться, не затрагивая сущности институтов. И только при весомом изменении совокупности социальных практик можно говорить о существенных преобразованиях института.

Общественно-политические практики населения понимаются как совокупность массовых политических действий/взаимодействий в гражданском пространстве общества, которые могут приобретать разные поведенческие формы влияния на социально-политические институты. Объективно обусловленные общественно-политические практики в процессе реинституционализации¹ политической сферы общества будут способствовать усвоению неинституционализированного социального пространства и формированию соответствующего социального капитала. Непосредственное изучение общественно-политических практик населения позволяет лучше понять один из важных источников современного демократического развития общества. Необходимо всестороннее изучение субъектов (“активистов”), практикующих отношения с политической системой страны, исходя из значимости их социальной функции. Одной из постоянных форм общественно-политических практик являются политические стили населения.

Понятие *политический стиль жизни личности* можно определить как относительно стабильную форму организации политического участия человека в рамках существующей политической системы с учетом статусных ресурсов и социально-психологических факторов социализации. Термин “полити-

---

¹ Понятие “реинституционализация” отражает сложные процессы в политической сфере украинского общества, связанные с особенностью структурирования социальных действий в условиях нынешнего этапа общественных трансформаций, когда происходит “переинституционализация” политических отношений власти и общества.

ческий стиль” часто употребляют, описывая поведение политических лидеров, руководителей и деятелей. Однако отсутствует изучение политических стилей всего населения. Очевидно, что категория “политический стиль жизни личности” выделяет сознательно выбранные формы политической жизнедеятельности субъекта. “Стилевая” характеристика помогает сделать более выразительной особенность политического поведения индивида, определенные устойчивые системы взаимосвязанного ролевого поведения индивидов в политике, получающие массовое распространение в обществе.

Категория “политический стиль жизни” дает возможность изучать политическое поведение личности в ракурсе ее внутренних мотивов и целей, учитывая его активную сторону, связанную с волеизъявлением человека, субъектность этого поведения. По мнению Н.Шульги, понятие стиля жизни позволяет рассматривать внутреннюю структуру психологических стимуляторов поведения под углом зрения трансформации содержания норм, правил, ценностей в процессе их усвоения личностью. То есть понятие стиля жизни отражает определенный уровень независимости личности от объективных условий [3, с. 159–160]. Поэтому, например, голосование на выборах, с одной стороны, можно считать актом волеизъявления, но отнесение этого действия к политическому стилю жизни оказывается проблематичным, поскольку как выборы, так и возможность голосовать четко заданы институциональными факторами, которые, собственно, не зависят от воли отдельной личности. В нашем случае действия, определяющие политический стиль жизни личности, не являются полностью вынужденными. Эти действия не могут диктоваться и быть наперед заданными исключительно объективными условиями. Это и отличает понимание политического стиля жизни от трактовок политического поведения, имеющих место в бихевиористских концепциях.

Таким образом, понятие “политический стиль жизни личности” раскрывает содержание общественно-политического поведения людей, связанного с реализацией собственных возможностей (социальных или психологических) в плане донесения своей гражданской воли до социальных институтов. Выбор личностью способов донесения собственной гражданской воли связан не только с осознанием целей этого действия, но и с эмоциональными, порой несознаваемыми побуждениями. Исследование стилевых форм политического поведения имеет свой эвристический потенциал, отражая как объективные условия жизнедеятельности, так и социально-психологические элементы социальной деятельности в сфере политики.

Политический стиль как политическое действие имеет своеобразную “точку опоры” — осознание себя, своих координат в политическом пространстве, а значит, и собственных интересов в сфере политики. Сначала нужно осознать, распознать свое “политическое Я”, субъективно “встроить” себя в архитектуру политической системы. От осознания своего места в структуре политической системы общества, объективной оценки собственных возможностей влияния на принятие политических решений зависит и политическая активность личности. После такого первичного самоопределения с дальнейшим осознанием своих политических интересов происходит некое производное, вторичное самоопределение, когда личность определяет свою принадлежность ко всем другим возможным объектам политических ориентаций (органам власти, носителям ролей, образцам политических действий). То есть личность осознает себя как сторонника или противника последних (либо

свою нейтральность) и выстраивает стратегию реализации собственных стремлений, что и отражается на стиле осуществления этих стремлений.

Социологические исследования фиксируют взаимосвязи между разнообразными социальными факторами и политическими действиями. Речь идет о существовании зависимости между объективными факторами, например доходом, и утверждением демократических практик [4]. В другом случае в качестве стимула берется прежде всего социоэкономический статус, который рассчитывается как производное от дохода, профессии, уровня образования и т.п. Дополнительно исследуется влияние социодемографического статуса, в рамках которого объединяются такие переменные, как возраст, принадлежность к религиозной общине, пол. Обнаружена зависимость между этими статусами с одной стороны, и готовностью к политическому участию — с другой. Поскольку в случае однозначной направленности нескольких переменных эффект их влияния повышается, можно предсказать степень активности человека [5]. В одном из первых сравнительных исследований (С.Вербба, Н.Най и Дж.Ким “Участие и политическое равенство: Сравнение семи стран”, 1978), в котором респондентами были граждане Австрии, Индии, Нигерии, Нидерландов, США, Японии и Югославии, было обнаружено, что политическое участие является неравномерным в пределах той или иной страны: существует высокий уровень позитивной корреляции между индексом социального статуса (доходы + образование) и степень участия [6]. Это объясняется неравномерным распределением политических ресурсов, под которыми обычно понимают: образование, открывающее доступ к информации; деньги, наличие которых высвобождает время для занятия политикой; социальный статус и престиж, к носителям которых власти прислушиваются охотнее; и наконец, некоторые поведенческие навыки, к примеру, способность грамотно излагать свои требования в доступной манере, приемлемой для политиков и бюрократов. Разумеется, все эти ресурсы сосредоточены в руках социально привилегированных слоев населения.

С другой стороны, направленность общественно-политических практик людей также зависит от удовлетворения материальных и психологических потребностей. Опираясь на взгляды А.Маслоу, политический психолог Р.Инглхарт изучал мотивационную роль потребностей личности во время перехода общества от ценностей уровня жизни, материального благосостояния к ценностям качества жизни — самоопределения, личной свободы, защиты окружающей среды [7]. Он попытался объяснить сдвиги в политических приоритетах населения стран Запада в 60–70-х годах XX века. Всю совокупность социально-психологических изменений Инглхарт свел к конфликту двух противоположных систем ценностей — “накопительной”, или “материалистской”, и “постматериалистской”. Проведя ряд исследований, он выяснил, что носителями постматериалистских ценностей и соответствующих политических стилей жизни (создание более приветливого и менее безликого общества, распространение активного и индивидуального участия в общественно-политической жизни) являются люди (особенно молодые) из обеспеченных средних слоев. Соответственно, основной психологической причиной появления таких ценностей и соответствующих политических стилей является удовлетворение материальных потребностей. Однако экономический кризис, разразившийся в конце 1970-х — в начале 1980-х годов, несколько затормозил рост новых нематериальных потреб-

ностей. Тем не менее, если в 1970–1971 годах, во время первых исследований Инглхарта, численное преимущество представителей материалистских приоритетов измерялось соотношением 4 : 1, то в начале 1990 года это соотношение резко изменилось до 4 : 3 [8]. Таким образом, социально-экономическая ситуация влияет на ценности, а те, в свою очередь, определяют характер стиля политического поведения.

Помимо объективных факторов на интенсивность политических стилей влияют также личностные факторы. В частности, Л.Милбрат и У.Кляйн доказали существование корреляции между самооценкой и уровнем политического участия. Политическую апатию, по их мнению, следует искать среди некомпанейских, сдержанных, неуверенных в себе людей, тогда как открытые, активные и общительные люди проявляют значительно большую активность и в вопросах политики [9]. Таким же образом чувство уверенности в своих силах расширяет границы возможного участия в политической жизни. Именно внимание к мотиву контроля над ситуацией позволило С.Реншону обнаружить зависимость между высокими значениями показателей субъективного контроля и степенью активности политического поведения [10, с. 108]. В работах Р.Даля продемонстрирована позитивная корреляция между действительной (или воображаемой) эффективностью конкретных политических усилий и интенсивностью участия граждан в функционировании соответствующих институтов. Аналогично автор иллюстрирует и взаимосвязь между политическими интересами, политическим знанием и т.п. [11].

Итак, в общем существуют две модели детерминации политических стилей жизни — социально-экономическая, когда объективные социальные факторы обуславливают характер и содержание определенных стилей, и социально-культурная, когда решающую роль приобретает система ценностей личности, сформированная политической культурой. Заметим, что детальный анализ мониторинговых данных за 2004 год посредством бинарной логистической регрессии, осуществленный А.Горбачиком, продемонстрировал преобладание модели ценностей над моделью рационального выбора в объяснении политических ориентаций [12].

Обычно различают *конвенциональные* (conventional) и *неконвенциональные* (unconventional) формы политического участия. Конвенциональное политическое поведение формируется согласно нормам права или традиций, регулирующим участие людей в политике при данном режиме, то есть это предполагает в основном институционализированные формы политической жизни. К конвенциональным формам политического поведения можно отнести: а) голосование (включая отказ от голосования или сознательно некорректное заполнение бюллетеня, делающее его недействительным, что служит формой протеста) на выборах разных уровней и на референдумах; б) регулярную партийную работу, активное участие в собраниях ячеек партии, контактирование с должностными лицами; в) работу в рамках избирательных кампаний (в том числе посещение избирательных акций, агитацию, распространение рекламных листовок, пожертвование денег, разъясение другим, как голосовать); г) информационную деятельность (издание, написание, распространение рекламных брошюр, e-mail и sms-сообщений и листовок; публикацию политической информации на веб-сайтах); д) членство в неправительственных организациях, цель которых — влиять на политические решения.

Неконвенциональное политическое поведение нарушает нормы и выражается в прямых коллективных действиях, которые противоречат системе представительства интересов. В современных исследованиях в рамках “неконвенционального” поведения обычно различают три основных вида, которые могут реализоваться в индивидуальных или коллективных, стихийных или организованных действиях: 1) ненасильственное легитимное поведение, включающее как активные формы (законные демонстрации, марши, митинги, пикеты и т.п.), так и пассивные (бойкоты, захват помещений, не связанный с нарушением закона, и др.); 2) ненасильственные иллегитимные действия, к которым принадлежат акты гражданского неповиновения, когда субъект по морально-политическим мотивам отказывается подчиняться закону, не применяя при этом силы к власти, а также участие в незаконных забастовках, демонстрациях; 3) насильственные действия (терроризм, бунт, блокирование дорог, захват учреждений, драки с полицией, нанесение ущерба чужой собственности и т.п.). Предполагается, что высокий уровень неудовлетворенности политикой властей оборачивается низким уровнем политического участия в конвенциональных (“институционализированных”) формах, поэтому отсюда следует ожидать усиления стихийных, неконвенциональных форм массового участия в политическом процессе.

Американский политолог Л.Милбрайт, автор работы “Политическое участие”, сосредоточившись на активном/неактивном измерении, предложил детальную структуру иерархии вовлеченности в политику, выделив основные структурные уровни в порядке усиления активности. По аналогии с гладиаторскими состязаниями в Древнем Риме он выделяет три основных политических стиля: 1) апатичный (около трети населения); 2) наблюдательный (почти 60%); 3) гладиаторский (1–7%) [см.: 13, с. 66–67]. В свою очередь, политологи С.Розенстоун и М.Хансен, анализируя участие американских граждан в правительственной политике (1973–1990 годы), обратили внимание на то, что большинство активистов занимаются только одним или двумя видами деятельности. Замечена также тенденция участия в тех видах деятельности, которые требуют подобных ресурсов или умений (например, написание выступления определенным участником может сочетать с написанием статьи в газету или для журнала [13, с. 115–116].

Таким образом, исследуя стилиевые признаки общественно-политических практик населения, следует анализировать структурные измерения политического участия. Такими структурными измерениями могут быть: 1) активный/неактивный стиль; 2) конвенциональный/неконвенциональный стиль; 3) однотипный/многотипный стиль.

При рассмотрении факторов влияния на общественно-политические практики населения Украины и их роли предметом анализа стало выяснение того, что важнее для формирования активных общественно-политических практик — социоэкономический статус или ценностные убеждения. Исходя из результатов упомянутых выше исследований, попытаюсь высказать несколько гипотез:

- 1) активные общественно-политические практики в основном зависят от такого объективного фактора, как социоэкономический статус индивида — чем выше этот статус, тем большей оказывается склонность к гражданской активности;

- 2) активные общественно-политические практики в значительной степени обусловлены субъективными факторами, в частности признанием собственной способности контролировать органы власти;
- 3) активные общественно-политические практики в равной мере зависят как от социоэкономического статуса, так и от высокой субъективной оценки собственной способности контролировать органы власти.

Описание данных

При эмпирическом анализе использован массив социологических данных общенационального репрезентативного омнибуса “Общественное мнение в Украине–2006”, проведенного методом раздаточного анкетирования Институтом социологии НАН Украины в апреле–мае 2006 года (координатор проекта — А.Стегний). Выборка $N = 1800$ соразмерно репрезентирует взрослое (старше 18 лет) население 24 областей Украины, АР Крым и г.Киева.

Процедура и методика исследования

Поскольку структура и стилевые формы общественно-политических практик обусловлены спецификой тех обществ, в которых они осуществляются, мы воспользовались нормативным ранжированием разработанной Н.Паниной методики измерения уровня социальной напряженности, основным показателем которой является “Индекс дестабилизационности протестного потенциала” (ИДПП). Основанием вычисления ИДПП служили результаты экспертных оценок (100 экспертов — руководителей структур центральной исполнительной власти) разных форм социального протеста по уровню их дестабилизационности. В итоге экспертные оценки уровней угрозы со стороны тех или иных акций протеста для социального порядка и стабильности, определявшиеся по 11-балльной шкале, ранжировали перечень акций социального протеста по уровню дестабилизационности [14]. Шкала, построенная экспертным методом, имеет более абсолютный характер и отсылает респондентов к некой объективной норме, определяемой экспертами.

В рамках омнибуса “Общественное мнение в Украине–2006” респондентам было предложено дополнить перечень общественно-политических мероприятий, сохраняя в целом порядок мероприятий по мере возрастания их дестабилизационности и, соответственно, по их конвенциональному/неконвенциональному содержанию.

В процессе классификации перечня общественно-политических мероприятий как признаков с целью определения групп признаков, обнаруживающих сходный характер изменения в случае перехода от одного объекта к другому, был применен факторный анализ, который помог обнаружить максимально взаимозависимые группы признаков. Эти группы признаков, объединенные в отдельные факторы, стали отражением стилевых признаков общественно-политических практик, исходя из того, что культивирование индивидом той или иной формы политического участия логически предполагает вовлеченность в определенные другие формы. Донесение индивидом своей гражданской воли через культивирование определенной совокупности способов влияния на социальные институты отражает собственно стилевые черты общественно-политических практик.

Для выяснения высказанных выше гипотез относительно факторов детерминации общественно-политических практик с учетом некоторых других показателей на основе данных Омнибуса 2006 года применялась модель бинарной логистической регрессии. Этот метод позволяет довольно точно изучить влияние выделенных факторов на зависимую дихотомическую переменную. В качестве зависимой переменной была использована дихотомическая переменная “участие в общественно-политических мероприятиях”, принимающая значения 1 для группы участвовавших хотя бы в одном общественно-политическом мероприятии до 0 для группы тех, кто ни в одном из таких мероприятий участия не принимал. В качестве независимых переменных модели рассматривались следующие переменные:

- “возраст”, измеряемый как количество полных лет жизни;
- “образование” с возможными вариантами ответа “1 — начальное, неполное среднее; 2 — среднее общее; 3 — среднее специальное (техникум, училище, колледж); 4 — первая ступень высшего образования (бакалавр); 5 — полное высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень)”;
- “доход”, измеряемый размером заработной платы (стипендии, пенсии) за последний месяц (в грн);
- “наличие подработок”, фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для группы тех, кто дополнительно подрабатывает помимо основного вида деятельности, и значение 0 для группы тех, кто не имеет дополнительной работы;
- “участие в приватизационных процессах”, фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто участвовал хотя бы в одном приватизационном процессе, и значение 0 для группы тех, кто ни в одном из таких процессов не участвовал;
- “участие в выборах Верховной Рады Украины 26 марта 2006 года”, дихотомическая переменная, принимающая значение 0 для тех, кто не принимал в них участия, и значение 1 для группы тех, кто участвовал;
- “способность контролировать органы власти”, фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает, что у них есть возможность контролировать деятельность центральных и местных органов власти, и значение 0 для группы тех, кто считает, что такой возможности у них нет;
- “эффективность форм влияния общественности на власть”, фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 тех, кто назвал хотя бы одну форму влияния общественности на принятие решений органами власти, и значение 0 для группы тех, кто никаких эффективных форм влияния не указал;
- “поддержка глобальных социальных движений”, фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал на вероятность поддержки хотя бы одного из глобальных социальных движений, и значения 0 для группы тех, кто не поддерживает ни одного или затруднился с ответом;
- “поддержка прозападного пути развития Украины”, фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает, что Украина должна быть похожей на развитые страны Запада, и значения 0 для группы тех, кто считает, что Украина либо должна выбрать

самобытный, только ей присущий путь развития, или же должна быть в составе восстановленного союза бывших советских республик.

Включение этих переменных в одну модель дало возможность проверить, сохраняется ли при учете возрастного и электорального показателей влияние объективного и субъективного факторов на продуцирование активных общественно-политических практик (проверка гипотез 1 и 2 нашего исследования), а также сравнить силу влияния этих двух факторов (проверка гипотезы 3).

Обработка и статистический анализ данных осуществлялся при помощи программных пакетов ОСА для Windows (автор — А.Горбачик) и SPSS v.10.

Изложение результатов

Очевиден тот факт, что неконвенциональные формы общественно-политических практик не получили значительного распространения (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос “В каких общественно-политических мероприятиях Вы лично участвовали в течение последних 12 месяцев?” (N = 1800)

Варианты ответа	N	%
Убеждал друзей, близких, знакомых в правоте своих политических взглядов	404	22,5
Носил символику политического характера	140	7,8
Вступал в контакт с официальными представителями власти	70	3,9
Вступал в контакт с активистами политических организаций	113	6,3
Принимал участие в работе предвыборных штабов	148	8,2
Собирал подписи под коллективными обращениями	56	3,1
Рассылал сообщения политического содержания по мобильному телефону и электронной почте	14	0,8
Не покупал некоторые товары по политическим соображениям	52	2,9
Принимал участие в законных митингах и демонстрациях	143	7,9
Принимал участие в голодовках протеста	6	0,3
Принимал участие в бойкоте (отказывался выполнять решения администрации, органов власти)	3	0,2
Принимал участие в несанкционированных митингах, демонстрациях или забастовках	11	0,6
Пикетировал государственные учреждения	13	0,7
Блокировал пути сообщения	3	0,2
Принимал участие в захвате зданий государственных учреждений	2	0,1
Другое	13	0,7
Ни в одном из подобных мероприятий не участвовал	1164	64,7

Примечание: Сумма процентов превышает 100, поскольку респондент мог выбрать больше одного варианта ответа.

Наиболее распространенной формой проявления политического стиля украинцев является убеждение друзей, близких, знакомых в правоте своих

политических взглядов — 22,5% респондентов практиковали эту форму политического участия. Распространение таких практик, как участие в работе предвыборных штабов (8,2%), ношение символики политического характера (7,8%), контактирование с активистами политических организаций (6,3%), можно объяснить спецификой политической жизни страны, поскольку опрос проводился сразу после парламентской кампании. Участие в законных митингах и демонстрациях отметили 7,9% респондентов, что значительно меньше, чем зафиксированный процент участия населения Украины в подобных мероприятиях в опросе “Европейского социального исследования” (2005 год) [15, с. 22]. Примечательно и то, что, в отличие от европейских обществ, такая форма гражданской практики, как бойкот определенных промышленных или сельскохозяйственных продуктов, не получила распространения [15, с. 23].

В целом 35,3% опрошенных указали, что участвовали по крайней мере в одном общественно-политическом мероприятии, тогда как 64,7% населения ни в одном из таких мероприятий не участвовали. Таким образом, согласно результатам “Европейского социального исследования” (2005 год) в отношении к украинским гражданам, те, кто участвовал по крайней мере в одном общественно-политическом мероприятии, составляют 31,9%, тогда как те, кто вообще не проявлял активности, — 68,1%. Поэтому правомерным будет вывод, что активное политическое поведение присуще примерно трети населения Украины.

Факторный анализ позитивных ответов относительно предложенных общественно-политических мероприятий позволил обобщить разные проявления политических стилей жизни активной части населения Украины (см. табл. 2).

Критерий адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина равен 0,656, что свидетельствует в целом об удовлетворительном соответствии этой величины в контексте применения факторного анализа к выборке¹. Значение *p-уровня* оказалось меньше 0,05 (в нашем случае — 0,000). Это также указывает на то, что данные вполне приемлемы для проведения факторного анализа. Благодаря четырехфакторной модели стилевые комплексы (факторы) сделали возможным описание 40,9% дисперсии результирующего признака.

Наиболее информативным является первый фактор, объясняющий 15,952% суммарной дисперсии. Этот фактор объединяет такие стилевые признаки, как контакты с активистами политических организаций, контакты с официальными представителями власти, сбор подписей под коллективными обращениями и участие в работе предвыборных штабов. Как видим, в этот фактор вошли стилевые признаки конвенционального характера с уклоном в сторону активных контактов с политическими институтами. Все эти признаки свидетельствуют о том, что контакты преимущественно с незнакомыми людьми требуют от индивида достаточной коммуникабельности. Таким образом, эту форму политического стиля можно условно обозначить как “*активное контактирование*”.

¹ Критерий адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина является величиной, характеризующей степень применимости факторного анализа к данной выборке: > 0,9 — безусловная адекватность; > 0,8 — высокая адекватность; > 0,7 — приемлемая адекватность; > 0,6 — удовлетворительная адекватность; ≥ 0,5 — низкая адекватность; < 0,5 — факторный анализ не может быть применен к выборке.

**Факторный анализ участия населения Украины
в общественно-политических мероприятиях**

Общественно-политические мероприятия	Факторы			
	F1	F2	F3	F4
Вступал в контакт с активистами политических организаций	0,814			
Вступал в контакт с официальными представителями власти	0,687	0,253		
Собирал подписи под коллективными обращениями	0,610			
Носил символику политического характера		0,670		
Убеждал друзей, близких, знакомых в правоте своих политических взглядов		0,577		
Принимал участие в законных митингах и демонстрациях		0,573	0,253	
Не покупал некоторые товары по политическим соображениям		0,516		0,271
Принимал участие в работе предвыборных штабов	0,345	0,359		
Пикетировал государственные учреждения			0,647	
Принимал участие в несанкционированных митингах, демонстрациях или забастовках			0,612	
Блокировал пути сообщения			0,475	
Принимал участие в бойкоте (отказывался выполнять решения администрации, органов власти)			0,413	-0,284
Рассылал сообщения политического содержания по мобильному телефону и электронной почте				0,673
Принимал участие в захвате зданий государственных учреждений				0,639
Принимал участие в голодовках протеста			0,406	0,581

Примечание: В таблице приведены коэффициенты, значения которых превышают 0,25.

Второй фактор (информативность — 10,243%) объединяет такие стилевые признаки, как ношение символики политического характера, убеждение друзей, близких, знакомых в правоте своих политических взглядов, участие в законных митингах и демонстрациях, бойкот некоторых товаров по политическим соображениям и участие в работе предвыборных штабов. В отличие от предыдущих стилевых признаков, эти действия не предполагают намеренных неоднократных контактов с незнакомыми людьми. Поэтому данную форму политического стиля можно определить как *“ограниченная демонстративность”*.

В третьем факторе (информативность — 7,672%) объединены такие стилевые признаки, как пикетирование государственных учреждений, участие в несанкционированных митингах, демонстрациях или забастовках, блокирование путей сообщения и участие в бойкотах (отказ выполнять решения администрации, органов власти). Очевидно, что этот фактор охватывает неконвенциональные практики в основном ненасильственного характера, поскольку перекрытие дорог чаще всего не предполагает применения силы. Очевидно также, что эти стилевые признаки очерчивают девиантное поведение, отличающееся *“действенным нонконформизмом”*.

И наконец, четвертый фактор (информативность – 7,083%) коррелирует с такими стиливыми признаками, как рассылка сообщений политического содержания по мобильному телефону и электронной почте, участие в захвате зданий государственных учреждений и участие в голодовках протеста. В этот фактор вошли радикальные неконвенциональные практики с применением силы и средств коммуникации. Подобные действия, без сомнения, следует обозначить как *“радикальная демонстративность”*. Сочетание новейших средств связи и конфликтных способов политического влияния, что обычно не остается незамеченным для СМИ, склоняет к мнению о том, что носители этих стиливых признаков весьма организованны и компетентны, чтобы привлечь к себе общественное внимание.

Выделенные факторным анализом стиливые признаки политического участия в той или иной мере связаны с особенностями внутренней структуры психологических стимулов поведения личности. Донесение своей гражданской воли до социальных институтов в данном случае связано с реализацией собственных социально-психологических возможностей. Таким образом, можно говорить о наличии в украинском обществе, как и в западных обществах, феномена однотипности в политических стилях, то есть прослеживается склонность участвовать в тех видах деятельности, которые требуют подобных ресурсов или умений.

Таблица 3

**Логистическая регрессия для зависимой переменной
“участие в общественно-политических мероприятиях”**

Группирование	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	<i>Sig.</i>	<i>Exp(B)</i>	<i>R</i>
Возраст	-0,013	0,004	12,625	0,000	0,987	-0,121
Образование	0,164	0,044	13,997	0,000	1,178	0,183
Доход	0,000	0,000	2,341	0,126	1,000	0,058
Наличие подработок	0,792	0,147	28,939	0,000	2,207	0,189
Участие в приватизационных процессах	0,768	0,145	27,948	0,000	2,155	0,158
Участие в выборах Верховной Рады Украины 26 марта 2006 года	0,725	0,174	17,329	0,000	2,065	0,121
Возможность контролировать органы власти	0,404	0,118	11,788	0,001	1,498	0,183
Эффективность форм влияния общественности на власть	0,729	0,131	30,818	0,000	2,074	0,240
Поддержка глобальных социальных движений	0,584	0,122	22,953	0,000	1,794	0,233
Поддержка прозападного пути развития Украины	0,445	0,119	14,026	0,000	1,560	0,173
Constant	-2,736	0,287	90,569	0,000	0,065	

Примечание: Правильно классифицировано 71,2% объектов.

Построение уравнения бинарной логистической регрессии влияния разных факторов на зависимую дихотомическую переменную участия в общественно-политических мероприятиях позволило правильно классифицировать 71,2% общего числа единиц анализа, что могло бы свидетельствовать о достаточном качестве построенной модели (см. табл. 3). Однако показатель

отдельных градаций зависимой переменной правильно предсказывает только 45,7% случаев участия в общественно-политических мероприятиях. К тому же показатель Nagelkerke R Square, являющийся определенным аналогом коэффициента детерминации в модели уравнения линейной регрессии, которое показывает долю влияния всех предикторов модели на дисперсию зависимой переменной, невысок (0,231). То есть доля дисперсии, которую можно объяснить на основе логистической регрессии, составляет 23,1%. Эта доля недостаточна, чтобы считать построенную модель прогностической. Попытка улучшить модель путем привлечения дополнительных переменных успеха не принесла. Очевидно, существуют какие-то другие, неизвестные нам факторы общественно-политических практик. Таким образом, этот факт требует в дальнейшем более глубоких теоретических разработок для формирования более адекватного инструментария исследования.

Можно предположить, что причиной недостаточной прогнозируемости модели, в которую вошли имеющиеся переменные, может быть амбивалентность массового сознания, поскольку в неструктурированном, аномичном обществе, каковым до сих пор остается украинское, социальные закономерности, наблюдающиеся в западных обществах, часто не имеют места. И все же эта модель может служить для проверки выдвинутых гипотез в отношении факторов влияния на общественно-политические практики населения в рамках имеющейся доли дисперсии.

Среди факторов, включенных в модель, такая независимая переменная, как доход, не оказывает статистически значимого влияния на активизацию политических стилей населения (значимость коэффициентов указана в столбике *Sig.*). Анализ значений коэффициентов построенного уравнения (*B*) отражает влияние соответствующих предикторов на зависимую переменную. Обнаружено, что из всех объективных факторов, включенных в модель, образование, доход, наличие подработки, участие в приватизационных процессах и участие в выборах парламента позитивно влияют на активизацию политических стилей населения, тогда как влияние возраста оказалось отрицательным. Включенные нами субъективные факторы продемонстрировали также позитивное влияние на зависимую переменную. Таким образом, полученные результаты частично опровергают гипотезу 1, поскольку такая важная составляющая социоэкономического статуса, как доход, не влияет на политические стили населения Украины. Однако мы не можем окончательно отдать предпочтение гипотезе 2, поскольку кроме зафиксированного влияния субъективных факторов, остается влияние факторов “наличие подработок” и “участие в приватизационных процессах” (с довольно высокими коэффициентами).

Сравнение уровней влияния независимых переменных в модели логистической регрессии было осуществлено с применением показателя частичной корреляции (*R*) этих переменных с зависимой. Этот показатель показывает упорядочение факторов по относительной силе их влияния на зависимую дихотомическую переменную логистической регрессии. Наибольшее позитивное влияние оказывают субъективные переменные — “эффективность форм влияния общественности на власть” и “поддержка глобальных социальных движений”, тогда как составляющие социоэкономического статуса “наличие подработок” и “участие в приватизационных процессах” имеют несколько меньшее влияние. Однако процедура сравнения этих четырех факторов по значимости коэффициентов на основе статистики Вальда

(Wald), связанная с методом максимального правдоподобия, также существенных расхождений не зафиксировала. Таким образом выявлено, что наличие у человека дополнительной работы и участие в приватизационных процессах увеличивают вероятность активизации политических стилей. Аналогично убеждение в том, что существуют формы влияния общественности на принятие решений органами власти, и поддержка глобальных социальных движений увеличивает шанс активизации политических стилей.

Несколько меньшее, однако позитивное влияние оказывают переменные “образование”, “возможность контроля над органами власти” и “поддержка прозападного пути развития Украины”. Следовательно, чем выше уровень образования, тем больше склонность к активным политическим стилям. Аналогичным образом наличие у людей уверенности в том, что они могут контролировать деятельность центральных и местных институтов власти, и убеждения, что Украина должна быть похожей на развитые страны Запада, увеличивает вероятность активизации политических стилей. Негативное и более слабое влияние оказывает переменная “возраст”. То есть с увеличением возраста несколько уменьшается склонность участвовать в общественно-политических мероприятиях.

Выводы

Подводя итоги, можно утверждать, что как изменения социальных ценностей, так и изменения условий жизни влияют на политические стили жизни населения. Результаты логистической регрессии в пределах зафиксированной доли дисперсии для зависимой переменной “участие в общественно-политических мероприятиях” в наибольшей мере отвечают гипотезе 3, которая предполагает практически одинаковое влияние определенных составляющих социоэкономического статуса и субъективных показателей возможности контроля и эффективности конкретных политических действий, в частности поддержки глобальных социальных движений, на активизацию политических стилей жизни. Привлекает внимание то, что доход как составляющая социоэкономического статуса существенно не влияет на политическую активность населения, тогда как участие в приватизационных процессах и наличие подработок оказывает весьма серьезное влияние на общественно-политические практики. Эти вопросы требуют отдельного исследования, поскольку очевидна традиционная связь общественной активности с институтом частной собственности. Что касается того парадоксального факта, что дополнительные подработки, отнимая у человека свободное время, — а это, казалось бы, не способствует привлечению к общественно-политическим практикам, — в действительности обнаружили позитивное влияние на показатели политического стиля, то это вообще не нашло объяснения. Впрочем, можно предположить, что необходимость дополнительно работать способствует приобретению навыков, которые оказываются полезными для общественно-политических практик: дополнительные подработки требуют от человека большей сосредоточенности и рациональности в планировании своего времени, что, безусловно, может быть полезным при организации гражданских акций. Это предположение будет иметь важное значение в дальнейшей разработке категории “практика”, поскольку в этом случае обнаруживаются такие составляющие данного феномена, как навыки и приемы той или иной деятельности.

То, что значимым фактором влияния на участие в общественно-политических мероприятиях является поддержка прозападного пути развития Украины, требует в дальнейшем обратить внимание на другие субъективно-ценностные факторы. Это позволит увеличить объяснительную способность и прогнозируемость модели логистической регрессии.

Особенностью украинского общества является то, что низкие показатели политического участия в конвенциональных формах не привели к распространению неконвенциональных форм общественно-политических практик. Выделение путем факторного анализа стилевых признаков политического участия позволило очертить четыре формы политических стилей активного населения Украины: “активное контактирование”, “ограниченная демонстративность”, “действенный нонконформизм” и “радикальная демонстративность”. Прослеживается склонность участвовать в тех видах деятельности, которые требуют схожих ресурсов или умений. Среди населения Украины более распространены те формы общественно-политических практик, которые связаны с предвыборными кампаниями. Протестные практики иного характера, в частности экономического, наоборот, существенного распространения не получили.

Литература

1. *Кравченко С.А.* Социологический энциклопедический англо-русский словарь. — М., 2002.
2. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации : Учебное пособие. — М., 2004.
3. *Шульга Н.А.* Критерии определения стилей жизни личности // Образ жизни. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования. — К., 1980. — С. 156–173.
4. *Lipset S.M., Seong K.-R., Torres J.C.* A Comparative Analysis of the Social Requisites of Democracy // International Social Science Journal. — 1993. — № 136(2). — P. 155–175.
5. *Scott J.C.* Membership and Participation in Voluntary Associations // American Sociological Review. — 1957. — № 22. — P. 315–326.
6. *Verba S., Nie N.H., Kim J.* Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. — Chicago; London, 1978.
7. *Inglehart R.* The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies // American Political Science Review. — 1971. — Vol. 65. — P. 991–1017.
8. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. — 1997. — № 4. — С. 6–32.
9. *Milbrath L., Klein W.* Personality Correlates of Political Participation // Acta Sociologica. — 1962. — № 6. — P. 53–65.
10. *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. — Ростов-на-Дону, 1996.
11. *Dahl R.A.* Who Participates in Local Politics and Why? // Science. — 1961. — № 134. — P. 1340–1348.
12. *Горбачик А.* Політичні орієнтації населення України: тенденції змін та фактори формування // Українське суспільство 1994–2004: моніторинг соціальних змін. — К., 2004. — С. 221–231.
13. *Скоблик В.* Участь громадян у політиці: західні концепції 1960-90-х років : Навчальний посібник. — Ужгород, 1999.
14. *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Потенциал протеста украинского общества // Социологические исследования. — 1999. — № 10. — С. 31–40.
15. *Головаха Е., Горбачик А., Панина Н.* Україна і Європа: результати міжнародного порівняльного соціологічного дослідження. — К., 2006.